

В.А. Ильиных
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В СИБИРИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

В конце XIX – начале XX в. доминирующим типом миграций в Сибири стала внешняя миграция, которая преимущественно осуществлялась в форме аграрного переселения. Значительно увеличить его масштабы позволило сооружение Транссибирской магистрали. Одним из следствий массового аграрного переселения стало существенно превышающее естественный прирост увеличение сельского населения края и числа крестьянских дворов. С 1861 по 1897 г. в Сибирь переселилось 1259 тыс. чел., в 1897–1905 гг. число переселенцев составило 591,2 тыс. чел. Пик переселенческого движения пришелся на годы столыпинской аграрной реформы. В 1906–1910 гг. в среднем за год вселялось по 500 тыс. чел. В 1911–1913 гг. интенсивность уменьшилась до 270 тыс. чел. в год. Всего за 1896–1913 гг. в Сибирь переселилось более 3 млн чел.¹

Около половины переселенцев водворилось на территории Томской губернии: 1402,9 тыс. чел за 1897–1914 гг. В пределах губернии переселенцев, в первую очередь, привлекали плодородные земли Алтая. Среднегодовое число мигрантов, поселившихся в Западной Сибири в 1897–1914 г., составляло 120,4 тыс. чел., из них на Алтае – 53,7 тыс. Акмолинская область за те же годы приняла 536,3 тыс. крестьян. В 1906–1916 гг. в Енисейскую губернию переселилось 274,5 тыс. крестьян². Основным местом водворения переселенцев в губернии были степи Минусинской котловины.

С 1897 по 1914 г. сельское население Сибири выросло с 5,3 млн до 9,2 млн чел. Около 2/3 прироста обеспечили крестьяне-переселенцы. Число крестьянских хозяйств в Сибири выросло с 820 тыс. в 1897 г. до 1400 тыс.³ в 1917 г. В Томской губернии количество хозяйств, по нашим подсчетам, увеличилось в 2 раза.

Переселенческое движение способствовало ускорению роста производительных сил аграрной экономики Сибири. С 1898 по 1913 г. переселенцы вовлекли в сельскохозяйственный оборот 16,5 млн дес. новых земель, в т.ч. распахали около

8 млн дес. Новые угодья осваивали и сибиряки-старожилы. За счет труда новоселов и старожилов посевные площади в крае с 1897 по 1914 г. увеличились в 2,2 раза, а в Томской губернии, принявшей половину переселенцев, – в 2,8 раза. Среднегодовой валовой сбор хлебов в регионе в 1913–1917 гг. почти в 2,5 раза превышал показатели первого пятилетия XX в. (1901–1905 гг.) Среднегодовая численность поголовья в 1911–1917 гг. превышала показатель 1891–1900 гг. по лошадям в 1,3 раза, по крупному рогатому скоту – в 1,5, по овцам и козам – в 1,2 раза. В Томской губернии прирост поголовья в 1914 г. по сравнению с 1897 г. составил по лошадям 75%, по крупному рогатому скоту – 90, по овцам и козам – 80%⁴.

Переселенцы не могли быстро нарастить в своих хозяйствах поголовье крупного рогатого скота, достаточное для ведения товарного молочного хозяйства, и поэтому стремились, в первую очередь, увеличить производство зерновых (преимущественно пшеницы и овса), дававших более скорую отдачу. В результате экстенсивное зерновое земледелие несколько потеснило товарное животноводство. В свою очередь, сокращение площади свободных целинных земель привело к агротехнологическим изменениям. Господствующая в лесостепных и степных районах Сибири переложная система земледелия предполагала оставление потерявшего свое плодородие участка пашни и переход на новый участок, причем часто не на старый, ранее заброшенный, а вообще на новый. С перелогом связан характерный для Сибири феномен неполной аграрной оседлости. После того как свободные пригодные для земледелия угодья заняли переселенцы, переложная система трансформировалась в паро-залежную. Принципиальная разница между ними заключается не только в применении паров, но и в менее длительных сроках оставления участка под залежь. При этом нарастающее земельное утеснение приводило к перманентному сокращению этих сроков и вовлечению в полевой оборот не восстановившей свое плодородие земли и соответствующему снижению урожайности. Продолжение подобной тенденции в перспективе могло обернуться кризисом залежной системы и переходом к безнадежно к тому времени устаревшему трехполью, что, собственно, в ряде районов Сибири и произошло. Кроме того, массовая распашка целины переселенцами

сузила базу для развития кормопроизводства и соответственно вызвала снижение продуктивности животноводства.

Массовое переселение влияло не только на аграрную экономику региона, но и на процессы социальной мобильности в деревне, под которой понимается переход крестьянских хозяйств из одной социально-имущественной группы в другую. Социально-имущественная дифференциация крестьянства во многом детерминировалась его демографической дифференциацией (различием отдельных хозяйств по размеру и составу семьи). Малолюдное хозяйство, как правило, являлось маломощным, а многолюдное – более зажиточным. При этом крестьянское семейное дворохозяйство, вероятностным образом, проходило ряд этапов своего развития. Молодая семья, состоящая из мужа, жены и малолетних детей, была относительно бедной. По мере вовлечения в трудовую деятельность детей происходило наращивание ее состоятельности. Женитьба сыновей и появление нескольких молодых семей в составе материнского хозяйства чаще всего приводили к его превращению в зажиточное. Раздел означал возникновение новых, значительно менее состоятельных хозяйств.

Восходящий (переход хозяйств в более высокие имущественные группы по мере увеличения размеров семей) и нисходящий (переход в более низкие группы после разделов) потоки социальной динамики могут взаимно уравновешивать друг друга, и тогда уровень дифференциации деревни остается неизменным. Однако чаще всего под влиянием экономической конъюнктуры, масштабных политических событий (войн и революций), природно-экологических катаклизмов (эпизоотий и неурожая) указанные потоки выходят из состояния равновесия. Если при этом рост состоятельности молодых семей задерживается, а количество разделов увеличивается, социальная мобильность крестьянства приобретает преимущественно нисходящую направленность, и в итоге в деревне происходит общий сдвиг вниз. Ускорение хозяйственного роста приводит к преобладанию восходящей направленности и сдвигу вверх. В результате значительного увеличения удельного веса одной из социально-имущественных групп за счет других происходит нивелировка деревни. Рост полюсных групп за счет средних слоев знаменует собой процесс разложения крестьянства.

В конце XIX – начале XX в. под влиянием развития рыночных отношений имущественная дифференциация сибирского крестьянства приобрела более ярко выраженный социальный характер. В низших слоях деревни проявлялись элементы пролетаризации, в высших – фермеризации. Но разложение крестьянства в данный период еще не стало основным типом социальной мобильности сибирской деревни, а существовало как одна и притом не самая главная ее тенденция. Базовая модель социальной динамики в ней по-прежнему определялась демографической цикличностью развития отдельных семейных дворохозяйств⁵.

На общую направленность социальных сдвигов, безусловно, оказывало влияние вовлечение региона в общероссийский аграрный, которое придававшее им позитивный импульс. В то же время факторами, которые замедляли движение вверх или придавали социальной мобильности нисходящую направленность, являлись сильные неурожаи. Тормозящим фактором являлись и массовые миграции. Переселенцы, заводя в момент вселения относительно небольшие хозяйства, увеличили в деревне удельный вес бедноты. Особенно заметным стало влияние миграционных процессов на социальные в годы столыпинской аграрной реформы. В 1906–1911 гг. произошла нивелировка сибирской деревни на более низком имущественном уровне. После 1911 г. ситуация изменилась. С 1912–1913 гг. и вплоть до 1917 г. доминирующим направлением социальной мобильности сибирского крестьянства становится движение от низших имущественных групп к высшим⁶. Именно на эти годы пришлось время хозяйственной адаптации значительного числа столыпинских аграрных переселенцев. Этим во многом можно объяснить продолжившийся в Сибири во время Первой мировой войны рост посевных площадей. До 1916 г. в регионе увеличивалось и поголовье скота⁷.

Массовая миграция изменила социально-политическую обстановку в Сибири. Крестьяне-переселенцы в ряде земледельческих районов края, фактически растворившие старожильческое население, несли в своей ментальности высокий заряд социальной конфликтности. Они не могли моментально стряхнуть с себя накопленную в местах своего прежнего проживания негативную реакцию на социальные противоречия. Кроме того, переселенцы, по определению, были нон-

конформистами. К радикальной смене места жительства их подвигла неудовлетворенность своим общественным и имущественным положением, а также социальными порядками, которые мешали изменить социальный статус. Но и в местах своего водворения внутренняя социальная конфликтность переселенцев имела базу для внешней реализации. Основой для реализации этого заряда в общественной практике служила имущественная дифференциация. При этом следует отметить, во-первых, что разница между бедными и зажиточными крестьянами в Сибири была больше, чем в центральных областях России. Во-вторых, имущественная дифференциация часто проходила по линии переселенец – старожил. Старожильческие хозяйства в большинстве своем были более зажиточными, нежели переселенческие.

Противоречия со старожилами возникали и в сфере землепользования. Особенно в том случае, если переселенческие участки имели более низкое качество, чем старожильческие. Но и старожилы имели основания для недовольства. Переселенцам могли отдать земли, которыми они ранее владели либо считали потенциально своими. Землю сверх 15-десятиной нормы отрезали у 20% крестьян-старожилов. Их землепользование в Алтайском округе сократилось на 6%, в Енисейской губернии – на 10,5, в Иркутской губернии – на 16,3%⁸. В Алтайском округе многочисленные переселенцы составили конкуренцию старожилам в получении в аренду кабинетских земель.

Устройство переселенцев также вызывало острое недовольство со стороны скотоводческого аборигенного населения, которое лишилось большей части ранее принадлежавших им угодий. Так, в ходе землеустроительных работ в Иркутской губернии из 2 млн дес. земли, находящейся в пользовании бурят, было изъято около 0,9 млн, или 47%. В Забайкальской области их землепользование к 1917 г. сократилось на 30,4%⁹.

В результате развернувшихся в 1917 г. стихийных аграрных преобразований социальное напряжение в деревне возросло. Противостояние разворачивалось в т.ч. по линии казаки – крестьяне, переселенцы – старожилы, земледельцы – скотоводы. Данное противостояние стало одной из сторон Гражданской войны. Но

Гражданская война большинство из этих противоречий не решила, и они остались и после установления советской власти.

Обострению социальных противоречий способствовало и наличие в сибирской деревне достаточно большого количества т.н. неприписанных крестьян. Таковыми являлись самовольные переселенцы, не получившие от государства или общины своего земельного участка. Абсолютное большинство из них либо были батраками, либо имели небольшое хозяйство на арендованной земле. Во время Первой мировой войны контингент неприписанных селян пополнился за счет беженцев. В итоге к 1920 г. в Сибири оказалось 500 тыс. не приписанных к земельным обществам лиц. В 1921–1922 гг. в регион хлынул поток беженцев из пораженных голодом районов Поволжья. Только в 1921 г. в край прибыло около 175 тыс. «голодобеженцев»¹⁰.

Неприписанные крестьяне и «голодобеженцы» представляли собой наиболее социально обездоленную часть населения. Если столыпинские переселенцы привозили с собой часть имущества и получали от правительства реальную помощь для обзаведения хозяйством на новом месте, то стихийные мигранты приходили в Сибирь практически без всякого имущества. Под давлением советского государства они приписывались к общинам и получали наделы. Но они не могли обрабатывать их собственными силами, поскольку не располагали ресурсами для покупки рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Помощь, оказываемая им в период «военного коммунизма», была недостаточной, а после введения нэпа ее фактически свернули. Кредиты получали более зажиточные селяне, способные обеспечить их возврат. Землеустройство стало платным. Кампания кредитной и иной помощи бедноте развернулась только в конце 1920-х гг., но ее эффективность оказалась достаточно низкой. Более того, несмотря на усилия властей в 1927 г. в Сибирском крае оставалось неприписанными 275 тыс. сельских жителей¹¹.

Массовое переселение оказало заметное воздействие на общинный строй сибирской деревни. Крестьянская община в Сибири существенно отличалась от ее российско-европейской праматери. Отсутствие земельной тесноты делало вмешательство в землепользование своих членов минимальным. Основные усилия

общины как таковой сосредоточивались на социально-нравственном контроле. Однако и здесь следует иметь в виду отсутствие многовековых традиций его осуществления. В условиях неполной аграрной оседлости многие общины в регионе были достаточно молодыми, и их члены не имели длительного опыта совместного общежития. Появление в этих общинах большого количества переселенцев могло привести к размыванию еще не до конца сложившихся общинных традиций. Как уже указывалось выше, переселенцы по своей сути были неконформистами и фактически бежали от жестких общинных порядков у себя на родине. Кроме того, конкретные общинные традиции в местах их прежнего проживания имели существенные различия.

В уже существующие деревни селились семьи не только из разных губерний, но и из разных субэтносов и даже этносов. Каждая группа переселенцев обладала своим набором традиций, специфическими чертами менталитета. Старожилы, оставшиеся в меньшинстве, естественно, не были способны их абсорбировать. В результате внутри официальных общин формировались мини-общины по этническому или географическому принципу. В качестве примера можно привести с. Половинное (ныне Краснозерского района Новосибирской области), в котором родился автор данной работы. Улицы села до их переименования в годы советской власти имели следующие названия: Сибирская, Тобольская, Воронежская, Черниговская, Херсонская. На Сибирской улице жили старожилы, на остальных – переселенцы из одноименных губерний.

Многие переселенческие поселки вообще не имели старожильческого населения. И здесь общину нужно было строить с чистого листа. Примером может послужить образованный в 1911 г. переселенческий поселок Александровский (ныне пос. Александровка Завьяловского района Алтайского края). Самое большое количество вселившихся в него семейных дворохозяйств дали украинские губернии. 34 из их общего количества прибыло из Черниговской, 33 – из Харьковской, 17 – Полтавской, 13 – из Екатеринославской, 4 – из Таврической губерний. Из русских губерний наибольшее количество переселенцев пришло из Курской (19 дворов), Тамбовской (16 дворов) и Воронежской (13 дворов). Из Сара-

товской губернии переселилось 4 семьи, из Орловской и Tobольской – по одной семье. Пять семей белорусов прибыло из Минской и Могилевской губерний¹².

Создать новую деревню или вселиться в старую могли не только русские, украинцы и белорусы, но и более инонациональные и иноконфессиональные группы. Так, в с. Краснопольском Минусинского уезда совместно проживали немцы, поляки, белорусы, украинцы и мордва¹³. В целом по Сибири число сельских обществ с 1898 по 1912 г. увеличилось с 7336 до 12 201 – более чем в полтора раза, в т.ч. в Акмолинской области и Томской губернии – в два раза¹⁴. Часть из них была создана в процессе продолжающейся достаточно интенсивной внутрирегиональной миграции. В ней участвовали как переселенцы, так и старожилы. Следует отметить, что существующие внутри официальных земельных обществ этнические или географические мини-общины часто становились основой будущих колхозов.

Абсорбция переселенцев была возможна в тех деревнях, в которых они составляли меньшинство. В Томской губернии, например, 35% из них водворялось в общества старожилов по приемным договорам¹⁵. Однако, вынужденно подчиняясь общим правилам, переселенцы не всегда считали их правильными. Кроме того, в подобных деревнях уже упомянутые социальные противоречия между старожилами и переселенцами были более предметными, а следовательно, и более острыми.

Массовая миграция имела не только социальные, но и этносоциальные последствия. К середине XIX в. в Сибири сложился субэтнос великорусского этноса – сибиряки, или сибиряки-старожилы, как их определяли, противопоставляя переселенцам¹⁶. Это была действительно субэтническая, а не чисто географическая группа со своим специфическим набором ментальных, социальных, материально-бытовых, языковых и культурных характеристик. Абсолютно большую ее часть составляли крестьяне. Массовое переселение привело сначала к полиэтнизации и полисубэтнизации сибирской деревни, а впоследствии к ее десубэтнизации. Доля старожилов (включая казаков) в общей численности крестьянского населения региона (без учета представителей аборигенных этносов) в 1897 г. составляла 61%, а в 1914 г. – 40%¹⁷.

Абсорбция численно превосходящей группы была невозможной. Более того, сами сибиряки-старожилы начали терять свою субэтническую специфику и вместе с переселенцами, в конечном итоге, превратились в географическую группу русского этноса. Одним из механизмов десубэтнизации региона стали межгрупповые браки. Так, родителями моего отца являются переселившиеся в выше упомянутое с. Половинное родившийся в Тобольской губернии сибиряк-старожил и уроженка Черниговской губернии – украинка.

Таким образом, массовое аграрное переселение в начале XX в. ускорило развитие аграрного производства в Сибири. Однако за внешним успехом таились скрытые риски. Они заключались в нарастании социальной напряженности, размывании общинных порядков, атомизации деревни. Разобщенность сибирской деревни явилась одним из факторов, который впоследствии облегчил большевистскому режиму проведение хлебозаготовительных кампаний конца 1920-х гг., а затем и форсированной коллективизации. Кроме того, сибирское крестьянство к этому времени имело в своей среде и группу, многие представители которой содействовали проведению аграрной политики советского государства, потому что искренне считали, что раскулачивание и коллективизация будут способствовать улучшению их материального благосостояния. При этом армию сельских активистов формировали не только маргинальные слои деревни, но и способные к конструктивной деятельности крестьяне из числа голодобеженцев и иных вынужденных переселенцев.

¹ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 39, 182; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 134.

² Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 90; Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998. С. 468.

³ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири... С. 135; Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890 – 1920-е гг. Новосибирск, 2007. С. 76.

⁴ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 375; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 303; Пронин В.И. Скотоводство Сибири XIX – начала XX вв. (К статистике вопроса) // Из истории Алтая. Томск, 1978. С. 110, 113, 115; Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX. Новосибирск, 1967. С. 381; Он же. Аграрные отношения в Сибири... С. 136.

-
- ⁵ Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 41–43.
- ⁶ Там же. С. 38–39.
- ⁷ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 144–158.
- ⁸ Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: Очерки истории. Новосибирск, 2008. С. 23.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987. С. 48, 57.
- ¹¹ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 45.
- ¹² Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995. С. 204.
- ¹³ Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири: Конец 1920-х – 1930-е годы. М., 1995. С. 23.
- ¹⁴ Население Западной Сибири в XX веке. С. 93.
- ¹⁵ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма. С. 135.
- ¹⁶ См.: Курилов В.Н. Русский субэтнос в Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.
- ¹⁷ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири... С. 144.